

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован городской пейзаж
«В декабре темнеет рано... Замятин переулочек» (2018 г.)
художника *Олега Ильдюкова*

Градова, Ирина.

Г75 Венчальное кольцо Нибелунгов : [роман] /
Ирина Градова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. —
(Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-04-096414-7

Известного артиста балета Игоря Байрамова, мужа частного детектива Маргариты Синявской, приглашают участвовать в постановке оперы «Кольцо Нибелунга». Главную партию предстоит петь подруге детства Игоря — всемирно известной слепой певице Алине Каюровой. А вскоре к Марго обращается Алинин секретарь с просьбой отыскать человека, много лет пишущего Алине письма, судя по которым он внимательно следит за ней и ее жизнью. По словам секретаря, в последнее время эти письма стали откровенно пугающими...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2018
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096414-7

Пролог

Сумерки окутывают долину Рейна, и на скалистые горы, цепью тянущиеся по его берегам, спускается густой туман. Зубчатые утесы врезаются в него, словно в молоко, и тянутся к небу. В серо-зеленых водах резвятся русалки, что-то лопоча на своем журчащем языке, непонятном смертным. Да ни один смертный и не спускался еще в долину: путь сюда людям заказан. Серебристые волосы русалок стелются по воде, а их бледные, стройные тела извиваются в волнах, словно водоросли. Они не ведают, что за ними наблюдают зоркие, жадные глаза. Это глаза не человека. В ущелье прячется злобный карлик-кузнец, нибелунг Альберих. Вскарabкавшись на скользкий утес, он пожирает взглядом красавиц-русалок, пытаясь привлечь их внимание. Смешливые девушки издеваются над уродцем. Обозленный Альберих пытается ухватить одну из них за волосы, но русалка уворачивается, и нибелунг падает в воду. С трудом выбравшись на сушу, Альберих грозит русалкам кулаком, но тут его взгляд привлекает свет, льющийся из самого сердца скалы.

— Что это? — восхищенно бормочет гном. — Что за сияние?

— Золото Рейна, Золото Рейна! — весело поет зеленоглазая русалка.

— Молчи, глупая! — предостерегает ее сестра. — Отец поручил нам охранять клад, а не болтать о нем направо и налево!

— Золото Рейна? — зачарованно шепчет Альберих, медленно ползя наверх по скользкой скале. — Что это такое?

— Волшебный клад, чудесный клад! — напевают русалки, кружа в воде. —

И если кто-то клад найдет,
Над миром власть он обретет,
Коль из него кольцо скует,
Любовь навеки проклянет!

— Замолчите! — вновь предупреждает более мудрая русалка. — Что, если гном украдет сокровище?

— Брось! — смеются сестры. — Альберих? Да он все отдаст за один взгляд любой из нас!

Однако нибелунг не слышит этих слов. Его маленькие злобные глазки устремлены на вершину скалы, из глубины которой струится ослепляющий свет. Он манит гнома, подавляя все мысли и чувства, кроме одного — *жажды*. Жажды обладания *сокровищем*.

— Не так уж велика цена, — бормочет Альберих, цепляясь за утесы. — Не так уж велика... Любовь? Зачем она? Любовь — бесполезное чувство, когда не находит ответа! Власть над миром — другое дело! Тот, у кого она есть, имеет все — и любовь в том числе.

Нибелунг достигает вершины. Он смотрит вниз, но беспечные русалки и думать забыли о карлике, продолжая кувыряться в волнах Рейна. Альберих тянет к свету дрожащую от жадности руку и выхватывает клад из скалы. Грохот сотрясает ущелье, и скала сдвигается, закрывая щель, где покоилось сокровище. Русалки в ужасе смотрят вверх и видят нибелунга, победно сжимающего в руках Золото Рейна. Он громко хохочет, и его смех тонет в раскатах грома. Вспышка молнии разрезает потемневшее небо...

Так из мира навсегда ушло Золото Рейна, а вместе с ним исчезла Любовь, проклятая алчным карликом нибелунгом Альберихом ради безграничной власти над миром.

В открытое окно задувал промозглый зимний ветер, но женщина не ощущала холода. Ее руки беспокойно теребили край вязаной шали, а глаза уставились в одну точку. Она тихо покачивалась на стуле, словно в такт неслышной музыке.

На столе кипа писем и открыток. Холеная рука с ногтями, покрытыми алым лаком, нащупала одну, лежащую поверх остальных. Нет, она все еще здесь и никуда не исчезла! Крупные буквы, выдавленные на титульной стороне открытки, безобидно гласили: «Поздравляю!» Но ей не хотелось читать то, что внутри.

Женщина замерла при звуке шагов в коридоре. Она могла находиться в людном аэропорту, где раздаются объявления, снуют пассажиры, торопящиеся на посадку, катят тележки носильщики, играет музыка и взлетают самолеты, но *эти* шаги различила бы даже в таком шуме. Дверь тихо скрипнула, открываясь.

— Дорогая? — Голос звучал обманчиво мягко, словно баюкая, усыпляя бдительность. — Ты готова?

Тяжелая рука легла поверх ее дрожащей ладони.

— Готова, — механически ответила она, поворачивая свое лицо на звук.

Мужчина обнял женщину за плечи.

— Опять ты нацепила эту гадость! — брезгливо сказал он, срывая с нее шаль. — Вот так гораздо лучше, — добавил он одобрительно, разглядывая тонкую длинную фигуру, затянутую в бордовое платье. Откры-

тая спина, низкий вырез декольте, демонстрирующий аппетитную ложбинку между грудями, гладкие покатые плечи и никаких украшений — изысканно и просто. Лямки больно впивались в тело, но она не станет жаловаться. Она будет улыбаться, потому что он этого *хочет*.

Долгие годы весь ее мир строился на одних лишь ощущениях: тепло — холодно, гладко — шершаво, мягко — жестко... Теперь ко всему этому прибавилось еще одно, преследующее неотступно и не отпускающее ни на минуту, — чувство, которое нельзя пощупать.

Страшно.

Рита взглянула на себя в зеркало, придиричиво оценивая внешность женщины по ту сторону стекла. Это определено не она — дама с пепельными волосами, собранными в высокую прическу и прихваченными бриллиантовой заколкой, переливающейся всеми цветами радуги. Высокая, стройная шея выглядывает из глухого ворота темно-синего атласного платья. На лифе, плотно облегающем тело, ручная вышивка. Наряд стоит целое состояние. Слава богу, он взят напрокат и завтра вернется в модельный дом Татьяны Уракчеевой, модельера, чье имя в последнее время не сходит с обложек глянцевого журналов.

— Ты оделась?

Рита обернулась, и атлас расклепленного подола мягко зашуршал по паркету. Игорь выглядел сногшибательно в смокинге и белоснежной рубашке с накрахмаленным воротничком. Смокинг тоже взяли напрокат. Темно-каштановые волосы Байрамова мягкими кудрями падали на плечи и мраморный лоб, из-под которого строго смотрели широко расставленные желто-карие глаза. При виде Риты тонкие губы его крупного рта разошлись в довольной улыбке.

— Королева Марго! — промурлыкал он, медленно приближаясь и целуя ее в основание шеи.

В последнее время их отношения нельзя назвать идеальными. Рита уже начала думать, что правильно поступает, отказываясь регистрироваться официально, хотя Игорь не устает настаивать. Она точно может назвать день, когда заметила перемену. Он вернулся из театра в то же время, что и обычно, однако его настроение показалось Рите странным. Обычно Игорь любит поговорить, обсудить происшедшее за день... Но не в тот вечер. В *тот* вечер Байрамов принял душ и отправился в кабинет, сказав, что ему нужно кое-что обдумать. Он вел себя так же, как ее покойный отец, когда его что-то беспокоило. Рита напрасно прождала его до трех утра. Очевидно, Игорь лег спать на отцовском кожаном диване.

С тех самых пор их отношения дали трещину. Рита старалась сдерживаться, надеясь, что со временем все наладится и Игорь станет прежним. Но шли дни, а ничего не менялось. Она стала проводить в офисе больше времени, не имея желаний наткнуться на хмурую физиономию Байрамова дома. На вопросы он отвечал односложно и уходил от серьезного разговора. Рита копалась в себе, пытаясь объяснить его поведение, но тщетно. Она много работала, но приходила домой раньше его. Ужин всегда на столе к его возвращению, квартира в идеальном порядке, потому что ее мама, Наталья Ильинична, считает своим долгом дважды в неделю вылизывать каждый угол. В выходные они с Игорем куда-нибудь ходят — то на выставку, то в кино, то в гости. Правда, в последние пару недель он предпочитает оставаться дома, проводя все свободное время в кабинете. Рита даже рада, так как не слишком любит выходы в свет, ей вполне хватает общения на работе. Те, с кем по-настоящему хотелось бы встретиться, недоступны. Сестра Катерина живет в Англии, брат Михаил — за городом. Маму Рита видит ежедневно, а с Варькой и Женькой, своими закадычными друзьями, общается

постоянно. До остальных ей, в сущности, нет дела, поэтому Рита без особой охоты сопровождает Игоря на тусовки. Она понимает, что, являясь директором театра и человеком известным, Байрамов не может пренебрегать посещением светских мероприятий. Однако дело оборачивалось странным образом: теперь именно Рита настаивала на том, что нужно отправиться куда-нибудь вместе, а Игорь предпочитал сидеть в четырех стенах.

Сегодняшний вечер явился приятным исключением. Для Байрамова он стал чем-то вроде испытания и одновременно — часом полного и безоговорочного триумфа. После того как его отлучили от Мариинского театра вместе с Григорием Синявским, покойным отцом Риты, Игорь делал вид, что одного из самых известных театров в мире не существует. Унаследовав «Гелиос» Григория Сергеевича, в свое время покинувшего Мариинку со скандалом, Игорь получил в придачу неприятие руководителей классического театра, как в свое время сам Синявский. За каждым спектаклем Байрамова пристально следили, а потом на страницах газет появлялись язвительные интервью, кричащие об очередном «провале». Это, однако, не мешало «Гелиосу» собирать полные залы. На его спектакли невозможно достать билеты, и у труппы отбоя нет от гастрольных предложений.

И вот настал день, когда Байрамов может вернуться в альма-матер, причем вернуться победителем. Недавно сменившееся руководство Мариинского театра приняло решение примириться с «блудным сыном». Более того, Байрамова решили пригласить поработать над балетными номерами в грядущей постановке оперы Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунга». За последние пятьдесят лет никто не решался на то, чтобы поставить ее в том виде, в каком ее написал композитор. Первая трудность состояла в том, что опера рассчитана на три дня, то есть предполагалось, что зрители должны ку-

пить своего рода абонемент. Кроме того, постановка требовала больших вложений — дорогих декораций, костюмов и спецэффектов. Разумеется, можно обойтись и более скромными средствами, но новое руководство Мариинки не собиралось экономить, желая вступить в должность под фанфары успеха. Игорь еще не дал официального согласия участвовать в шоу, но Рита не сомневалась, что он примет предложение. Оскорбленное самолюбие требует реванша, но, насладившись мстостью, Байрамов, скорее всего, не сможет упустить такой шанс!

Игорь накинул Рите на плечи песцовую пелерину, и она незаметно поморщилась, так как терпеть не могла меховые вещи. Носить на себе *кладбище* — не самая гуманная тенденция! Но Байрамов считал это данью ее статусу — дамы сердца знаменитости. Рита могла бы потребовать любой мех, норку или шиншиллу, но она боялась представить себе, какое огромное количество крошечных животных пошло на то, чтобы сварганить «памятник» человеческой жестокости. Она дала себе слово, что в последний раз наступает себе на горло и больше не позволит Игорю купить ей ни одной меховой шмотки, даже если эта облезет и расползется.

Когда Байрамов открыл перед ней дверцу такси, Рита мельком взглянула в его лицо. В приглушенном свете салона ей показалось, что его глаза запали, а под ними залегли синеватые тени. Это — результат напряженной работы или чего-то еще?

Съезжаясь с Игорем, Рита сознавала, что становится спутницей жизни своего рода иконы. Или не вполне сознавала? Понимала ли она, какая это ответственность? На нее устремлено столько взглядов, и большинство — отнюдь не доброжелательные. Слава богу, Байрамов не рок-звезда, а то Рита могла бы получать письма с угрозами типа «Я убью тебя, сука!». Поклонники балета более интеллигентны и ограничиваются злобными

перешептываниями за ее спиной и обсуждением того, на сколько граммов Рита поправилась или похудела по сравнению с прошлым выходом в свет, и ее вкуса в отношении выбора туалетов. Мать успокаивающе говорит, что злопахательницы проводят одинокие ночи в мечтах об Игоре, а потому не знают, к чему бы прицепиться, но у Риты тонкая кожа. Возможно, если бы она относилась к миру богемы, поклонники Игоря умерили бы пыл? Раньше ей казалось, что звезды преувеличивают внимание, с которым журналисты и папарацци относятся к их персонам. О ее отце тоже писали, но он не был виртуозным танцовщиком, всегда оставаясь немногим в тени исполнителей. Теперь Рита начинала понимать людей, мечтающих отгородиться от мира хотя бы в приватной обстановке собственной спальни!

На подъезде к театру Рита ощутила знакомое ощущение легкой тошноты — так случалось каждый раз, когда приходилось находиться в толпе в сопровождении Игоря. Вокруг творилось нечто невообразимое: живое море людей колыхалось каждый раз, когда очередная машина подкатывала к парадному подъезду. Рита с тоской подумала, что из презентации будущего спектакля *уже* устроили шоу.

Байрамов вышел первым и галантно помог ей выбраться наружу. Защелкали вспышки фотокамер, и Рита зажмурилась. Ее сковал такой ужас, что она не могла сдвинуться с места. Игорь мягко взял спутницу под руку и сказал:

— Забудь о них. Есть только мы — невероятно красивая пара, на которую все смотрят. А ты можешь ни на кого не смотреть, просто иди рядом. Большинство этих стервятников не имеют пропусков, поэтому внутри мы окажемся в безопасности!

Глядя только вперед, Рита двинулась по направлению к дверям театра, перед которыми стояло полицейское оцепление. Сколько же любителей классической

музыки могут одновременно собраться в одном месте! Она знала, что на вечере будут присутствовать звезды оперы и балета, но самую большую шумиху произвел тот факт, что в постановке примет участие всемирно известная Алина Каюрова, обладательница потрясающего сопрано, которой рукоплескали Ла Скала, Гранд Опера и другие известные театры мира. Каюрова прославилась за границей и до сих пор на родине давала лишь сольные концерты. «Кольцо Нибелунга» должно было стать ее дебютом на российской сцене, хотя в Европе певица несколько раз исполняла партию Брунгильды. Рита любила оперу, боготворила Вагнера, но Алину Каюрову лично не знала. Может быть, у них появится возможность познакомиться?

Миновав кордоны, Рита и Игорь оказались в спасительном полумраке коридора, ведущего в раздевалку. В фойе, обычно ярко освещенном электрическим светом, горели свечи в громоздких канделябрах, и тени от колеблющегося пламени в обрамлении витиеватых изгибов бронзы образовывали на стенах причудливый узор. Вокруг прогуливались красиво одетые пары, и многие лица были знакомы Рите. К примеру, молодой репортер светской хроники, всегда ошивавшийся среди знаменитостей, или парочка светских львиц, чьи хищные взгляды жадно шарили по толпе в надежде заметить одиночек. Однако в основном здесь присутствовали артисты и продюсеры, а также околобогемная публика, испытывавшая восторг от ощущения причастности к чему-то великому.

— Я скоро вернусь, — шепнул Рите Байрамов, ослепительно улыбнувшись в камеру, нацеленную прямо на них. И как ему удастся всегда заметить фотографа? Наверное, благодаря этому невероятному чутью Игорь на фотографиях выглядит так, словно его снимали в студии. Она тоже несмело улыбнулась в камеру, которая, несмотря на уход Байрамова, продолжала пялить на

нее свой желтый глаз. Из-за фотоаппарата высунулось улыбающееся веснушчатое лицо белобрысого мужчины средних лет и подмигнуло ей, словно подбадривая. Она благодарно кивнула и медленно пошла за толпами народа, справедливо полагая, что эти люди знают, куда идут.

Рита давно не посещала Мариинский театр — ей вполне хватало байрамовского, — и теперь, войдя в зал, она застыла, пораженная великолепием открывшегося вида. Помещение было стилизовано под средневековый пиршественный зал. На стенах висели шкуры животных и головы оленей и медведей, чьи мертвые стеклянные глаза отражали свет свечей, ярче всего освещавших сцену. На ней стоял длинный деревянный стол грубой работы, стулья с высокими резными спинками и имитация открытого очага. В целом сцена полностью соответствовала представлению обывателя о том, как должно выглядеть жилище средневекового рыцаря. Сквозь открытую дверь Рита могла видеть снующих туда-сюда официантов с подносами: очевидно, после торжественной части предполагался не фуршет, а целый пир.

Рита покрутила головой, ища место, чтобы присесть. Она не умела пользоваться положением и добиваться привилегий, поэтому собиралась примоститься в задних рядах, где некоторые места еще не были заняты, как вдруг увидела, что кто-то энергично машет ей рукой. Глаза Риты широко раскрылись при виде Варвары в сопровождении известного актера сериалов.

— Я-заняла-тебе-место-классно-выглядишь-платье-отпад-где-Байрамов? — скороговоркой выпалила Варька, чмокая ее в ухо. Риту поражала «скорострельность» подруги, и она отнюдь не всегда могла вникнуть в бесконечный поток речи и вычленить из него полезную информацию. Игорь вообще плохо понимал

Варвару, поэтому старался не оставаться с ней наедине, используя Риту в качестве переводчика.

Молодая женщина выглядела потрясающе в шелковом изумрудном платье, гармонировавшем с ее рыжими, короткими, задорно взбитыми волосами и зелеными глазами.

— Так где же Байрамов? — повторила она свой вопрос, не удосужившись представить Риту своему спутнику, хотя тот жаждал познакомиться.

— Если б я знала! — пробормотала Рита, и тут они обе получили ответ на свой вопрос. За сценой раздался громкий, протяжный звук охотничьего рога (или валторны?), и в зале наступила тишина. Не было слышно ничего, кроме учащенного дыхания нескольких сотен присутствующих. На сцену вышла группа из шести человек, и одним из них оказался Игорь. Еще одно лицо показалось Рите знакомым, но с такого расстояния она могла и ошибиться. Среди мужчин присутствовала лишь одна женщина, высокая и рыжеволосая, с прекрасной фигурой. Возглавляющий группу остановился возле микрофона, в то время как другие расселись за столом.

— Это Тарасов, новый замдиректора, — прошептала Рите в самое ухо Варя. И откуда она все знает?!

Человек на сцене прокашлялся, проверяя звук, и произнес:

— Уважаемые дамы и господа! Мы собрались здесь, чтобы отпраздновать, как теперь принято говорить, запуск нового проекта, равного которому эти стены еще не знали. Опера «Кольцо Нибелунга» по праву считается венцом творения великого Вагнера. Она требует колоссальных вложений, и раньше такая постановка была бы невозможна без участия иностранных инвесторов. Но сегодня я с гордостью представляю вам двух людей, благодаря которым «Кольцо Нибелунга» обретет новую жизнь. Именно они обеспечили полную фи-